

УДК 81'37
ББК 81.00

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ СУБКТЕГОРИЙ *БЛИЗОСТЬ* / *ДАЛЬНОСТЬ* В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Н.Л. Шамне, М.В. Макарова

Данная статья посвящена проблеме репрезентации пространственных отношений в русской и немецкой лингвокультурах. В работе представлена схема пространственного моделирования действительности в сознании человека, рассмотрены механизмы и средства вербализации национально-культурных представлений о пространстве в двух неблизкородственных языках.

Ключевые слова: пространство, языковая картина мира, лингвокультурология, паремия, национальная специфика, межкультурная коммуникация.

Интерес к изучению языковых способов выражения универсальной категории пространства неслучаен, поскольку пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Эта категория находит отражение во всех языках. Данная статья посвящена выявлению специфики репрезентации категории пространства в русском и немецком языках.

Базовой для моделирования категории пространства по отношению к его центру, как показал фактический материал, является градуальная оппозиция *близость* / *дальность*. На ее основе построена система пространственных отношений в языковой картине мира: при характеристике физического (реального) пространства наибольшую экспликацию в сопоставляемых языках получает субкатегория *близость*, а при характеристике ментального (ирреального) пространства – субкатегория *дальность*; однако лексическая, лексико-грамматическая, функциональная наполняемость данных субкатегорий в рассматриваемых языках различается в силу особенностей характера и динамики простран-

ственного освоения действительности носителями русской и немецкой лингвокультуры.

Материалом для исследования послужили языковые данные, полученные в результате сплошной выборки из толковых, синонимических, фразеологических словарей, паремнологических сборников, а также из произведений классической художественной литературы на русском и немецком языках.

Анализ фактического материала показал, что единицы всех уровней языка, выражающие пространственные представления в русской и немецкой лингвокультурах, участвуют в реализации оппозиции *близость* / *дальность* расстояния. Для характеристики выражения пространственной протяженности в языке мы предлагаем использовать термин *дистантив*. Дистантивами в нашем понимании являются лексические единицы, репрезентирующие пространственные параметры *близость* / *дальность* расстояния (предложно-падежные конструкции и паремии с пространственной семантикой). Дистанционный минимум протяженного пространства выражен языковыми средствами, реализующими пространственную субкатегорию *близость* расстояния: *рядом*, *возле*, *около*; *лицом к лицу*, *рукой подать* и т. д., а дистанционный максимум – средствами, реализующими субкатегорию *дальность* рассто-

яния: *далеко, вдали, на горизонте; за тридцать земель, за семь морей.*

Результаты проведенного анализа фактического материала позволили выстроить многослойную схему пространственного моделирования действительности в языковом сознании человека [1, с. 8]. Носителями русского языка пространство мыслится как состоящее из нескольких концентрических слоев Целое, в центре которого сам Человек, его быт, дом. Сюда вошли социальные и культурные представления обо всем, что человеку *близко*, причем не только физически. На этом уровне можно говорить о метафоризации физической близости чего- / кого-либо и о близости духовной, эмоциональной, так как эта сфера человеческой жизни является наиболее интимной и важной. Большинство устойчивых сочетаний, выражающих этот пространственный слой в человеческом сознании, имеет ярко выраженную антропоцентрическую направленность. По мере дальнейшего поступательного освоения действительности сформировался следующий слой (круг) – государство, родина, страна, который можно условно назвать «своя земля». Граница между первым и вторым слоем в русском языковом сознании достаточно зыбкая, размытая. Русский человек зачастую мыслит себя как часть своей страны (по мнению ряда ученых, только русскому присуще чувство *соборности*), и данный пространственный слой мыслится им как близкий не только физически, но и духовно. Пласт, еще дальше отстоящий от Центра пространственного моделирования действительности – так называемая «чужая земля». В нем заключены образы и культурные представления о чужом, дальнем, труднодостижимом, нередко враждебном человеку пространстве, как правило, они имеют ярко выраженную отрицательную окрашенность. Замыкает схему пространственного моделирования действительности в языковом сознании русского человека самый дальний слой, в который, по нашему мнению, вошли представления о Вселенной, Космосе, а также потустороннем мире, не доступном зрительному и физическому восприятию, но глубоко укоренившемся в сознании человека в виде фольклорных образов, характеризующихся отрицательной окрашенностью. Отметим также, что

внутри каждого из этих слоев наблюдается градация признака *близость* (1-й–2-й слои) и *дальность* (3-й – 4-й слои) в зависимости от дистанцирования субъекта и объекта пространственного моделирования.

Субкатегория *близость* расстояния в русском языке широко представлена следующими дистантивами: *вблизи, близ, недалеко, невдалеке, невдали, неподалеку, перед кем-/чем-либо, недалече, около, под чем-либо, поблизости, подле, возле, вплотную, вплоть, к самому, перед самым, рядом, в нескольких шагах, вокруг, кругом, повсюду*; паремичными сочетаниями: *лицом к лицу, за спиной, рукой подать, под рукой, плечом к плечу, принимать близко к сердцу, бок о бок, под боком, под носом, не за горами.*

В немецком языке субкатегория *близость* расстояния представлена следующими лексемами: *neben, nebeneinander, da, dabei, hier, daneben, darum, herum*; паремичными сочетаниями: *ein Katzensprung* (букв.: «прыжок кошки»), *vor der Nase* (букв.: «перед носом»), *dicht beieinander* (букв.: «прямо друг перед другом»), *Mann an Mann* (букв.: «человек к человеку»), *zum Greifen nahe* (букв.: «близко к захвату»), *Seite an Seite* (букв.: «сторона к стороне, бок о бок»), *von Angesicht zu Angesicht* (букв.: «пик к лику»), *Auge in Auge* (букв.: «глаза в глаза»), *Stirn gegen Stirn* (букв.: «лоб в лоб», «челом к челу»). Пространственная *близость* передается в паремичных сочетаниях в основном при помощи единиц, обозначающих различные части человеческого тела.

Человек имеет дело, прежде всего, с тем пространством, которое «прилегает» непосредственно к его телу, поэтому и в русском, и в немецком языках сходные соматизмы *глаза, нос, лицо, грудь, рука, нога; das Auge, die Nase, das Gesicht, der Finger, die Hand, die Brust, die Schulter, der Fuß* выступают в качестве пространственных координат.

Значение «очень близко» воспринимается носителями русского языка более конкретно и соотносится с чем-то родным, близким, например, домом или атрибутами дома – порогом, печью. Об этом свидетельствует наличие в лексико-фразеологическом фонде русского языка широкой группы паремий, реализующих идею пространственной близости в

образах дома, очага, родного села и, наконец, родной страны («сторонушки»). Для русского языкового сознания первый слой пространственного моделирования действительности является, как и личная сфера субъекта, в центре которой сам Человек, весьма значимым. Из представлений о себе, своей родине, стране формируется менталитет каждого народа, развивается национальное самосознание, происходит идентификация личности как части этноса. Нами установлено, что для русского человека субкатегория *близость* охватывает не только его дом, область, район проживания, но и зачастую все Российское обширное государство, чего нельзя сказать о европейской модели пространственной ориентации, где относительно небольшую территорию делят множество стран со своими традициями, укладом жизни. В этой ситуации тесного соседства происходят двоякие процессы, непосредственно влияющие на формирование определенных ментальных свойств, черт национального характера. С одной стороны, европейцу необходимо поддерживать в условиях тесной сплоченности дружеские, мирные отношения с соседними странами, землями, с другой – максимально стараться сохранить свою ментальность, оградить свои границы и культурные ценности.

Как показано в наших предыдущих работах, вербализация категории пространства отражает специфику мировосприятия: в сознании носителей немецкого языка – это индивидуализм, русского – соборность. Так, в немецком языке каждый новый вид и способ движения, специфика перемещения в пространстве получают индивидуальное обозначение, в отличие от русского, где главным является среда, способ, средства, интенсивность перемещения в пространстве, спецификация же этого перемещения содержится непосредственно в контексте (подробнее см.: [3, с. 130; 4]). Положение о преобладании в немецком языковом сознании тенденции к индивидуализации при вербализации пространственных отношений, а в русском – к обобщению всего, что близко, хотя эта пространственная близость охватывает сотни или тысячи километров родной страны, подтверждается в результате анализа наиболее многочисленной группы пословиц и поговорок, в которых простран-

ственное структурирование действительности построено на оппозиции «своя земля» / «чужая земля». При этом в русских поговорках данной группы ярко выражен приоритет своего над чужим, свое всегда оценивается положительно.

«Свое» в языковой картине мира носителя русского языка – это широкая область окружающей действительности: от родного дома до родной страны («своей земли»). Понятие *дома* в русском языковом сознании связано с чувством защищенности: *мой дом – моя крепость*. При этом «свое» всегда лучше чужого, что находит отражение в широком слое пословиц и поговорок о доме: *в гостях хорошо, а дома лучше; дома и стены помогают; всяк кулик хвалит свое болото; родная сторона – мать, чужая – мачеха; где родился, там и сгодился; мила та сторона, где пупок резан; за морем теплее, а у нас – светлее (веселее); своя рубашка – свой простор, своя и теснота; чужое и хорошее постыло, а свое и худое, да мило* и т. д.

Сфера личного пространства субъекта, бесспорно, является значимой для носителей немецкой лингвокультуры и тесно связана с зоной жилья, дома, а также понятием «своей земли». В лексико-фразеологической системе немецкого языка мы встречаем такие паремичные сочетания, как *Eigenes Nest hält wie eine Mauer fest* (букв.: «собственное гнездо словно крепкая стена»), *Eigener Herd ist Goldes wert* (букв.: «собственный очаг что золото»). Здесь определены, на наш взгляд, ключевые позиции пространственной ориентации немецкого народа. Базовой ценностью является свой собственный очаг, дом. *Свое* пространство, хотя и узкое, тесное, всегда воспринимается с положительной оценкой: *Eng und wohl ist besser als weit und wehe* (букв.: «лучше тесно и благополучно, чем просторно, но страдая»).

В большинстве пословиц и поговорок, посвященных родине / чужбине, приоритет отдается своей стране: *Ost und West, daheim das Best* (букв.: «восток ли, запад ли, а дома лучше»), но при этом нет враждебного отношения к чужому пространству, так как там, в другой стране, живут такие же люди, как мы: *Gerade wie bei uns zu Land hängt man die Wurst auch an die Wand* (букв.: «как и у нас в

стране, колбасу вешают тоже на стенку»); *Jedes Land hat seinen Tand* (букв.: «в каждой стране свои безделушки»).

Итак, субкатегория *близость* отражает представления человека о ментальном пространстве: у носителей русского и немецкого языков она связана с личной сферой субъекта, домом, своей страной. При этом в русском языковом сознании свое всегда противопоставляется чужому: *чужое* воспринимается враждебно, *свое* роднее, ближе, воспринимается как данность, лучше которой не стоит и желать, *свое*, каким бы оно ни было, всегда гарантирует стабильность, а *даль* таит в себе неизвестность, неуверенность, опасность. В немецком языковом сознании за *чужим* пространством такая отрицательная коннотация не закреплена: здесь также утверждается приоритет *своего*, но *чужое* воспринимается как иное, а не враждебное.

Личная сфера субъекта в русском и немецком языках реализуется преимущественно паремичными сочетаниями, в которых пространственная семантика передается ключевыми для сопоставляемых языков соматизмами: *рука, нога, лицо, плечо, шаг* и т. д. Однако ментальное пространство, как и физическое, в русской языковой картине мира разделено по принципу *близость / дальность*, и внутри субкатегории *близость* ярко выражена градация данного признака от значения «недалеко» (*не за горами*) до значения «очень близко» (*рукой подать*). В немецком языке этот диапазон значений заключен в яркой пространственной метафоре *ein Katzensprung*, что подтверждает наше предположение о том, что в сознании носителей немецкой лингвокультуры отправной точкой сегментирования пространства служит субъект. Сегментная единица пространственного моделирования в немецком языке имеет иные параметры, и границы этих сегментов сжаты. В случаях, когда границы сегментов пространства размыты, мы наблюдаем совпадение значений соответствующих единиц с единицами русского языка.

Для выражения физической, географической *дальности* в русском языке служат следующие дистантивы: *далеко, поодаль, вдали, вдалеке, в отдалении, в некотором расстоянии, далеке, издали*. Данный лексемный со-

став по численности и разнообразию уступает составу средств, служащих для выражения субкатегории *близость* расстояния. Это связано, на наш взгляд, не только с меньшей значимостью для человека субкатегории *дальность*, но и с меньшей освоенностью дальнего пространства, отсутствием о нем полной информации и, как следствие, меньшей экспликацией в языке. Как уже отмечалось выше, субкатегория *дальность* в русском языковом сознании связана с 3-м и 4-м слоями пространственного моделирования окружающей действительности, на которых реализуются представления о физическом и ментальном пространстве как о далекой чужой земле, как о чем-то далеком, почти недостижимом (Вселенная в целом; бытующие в национальном сознании мифы и фольклорные представления о потустороннем мире, неизвестном, откуда нет возврата, и потому опасном для человека). Вследствие этого в большинстве случаев за единицами, реализующими субкатегорию *дальность*, в сознании носителей русского языка закрепились отрицательная эмоционально-оценочная окраска. В сознании носителей немецкого языка подобные единицы такой коннотации не имеют. Пространственная *дальность* в немецком языке передается ключевыми дистантивами *weit, in der Ferne, fern, fernab, entlegen*. В семантике языковых средств немецкого языка зафиксирована информация о характере пространственного перемещения, направления пространственной ориентации, ярко выражена субъектно ориентированная направленность при передаче пространственных характеристик.

Группа паремичных сочетаний, реализующих субкатегорию *дальность* расстояния, в русском языке является наиболее многочисленной. Мифологические и фольклорные образы, закреплённые в этих единицах, носят ярко выраженную национальную специфику. По нашему мнению, в этих лексико-фразеологических единицах запечатлены представления человека о далеком пространстве, восприятие его как враждебного, таящего в себе множество опасностей, населенного злыми силами. Субкатегория *дальность* в сознании носителя русского языка актуализируется именно тогда, когда речь заходит о пространстве чужой земли (другой страны) или о пространстве неизвест-

ном. Зачастую в паремичных сочетаниях, реализующих эти представления, фигурируют образы нечистой силы, обитающей в очень отдаленных, глухих местах. В русском языке субкатегория *дальность* расстояния представлена следующими паремичными сочетаниями: *у черта на куличках, за тридевять земель, за семь морей, за версту, в медвежий угол, на все четыре стороны, на край света, куда Макар телят не гонял, на Кудыкину гору, к чертовой матери, семь дней на собаках, к чертовой бабушке, к черту на рога, куда ворон костей не заносил, в тридешатое царство, на край земли, бог знает куда, за семь верст киселя хлебать, бог знает где, не ближний свет*. Значения этих единиц образуют градационный ряд по признаку *дальность*: от «на преодолимом расстоянии» до «в отдаленном нелокализованном пространстве».

Субкатегория *дальность* для носителей русского языка – прежде всего пространство, возникающее за границей *своего*. Под *своим* может пониматься место жительства, малая родина или своя страна. В зависимости от этого сформировался пласт паремичных сочетаний, объединенных значением «на дальнем, но преодолимом расстоянии».

Так, в паремичном сочетании *у черта на куличках* представления о дальности расстояния реализуются как «далеко, в неопределенном месте». *Придется жить где-нибудь у черта на куличках! А здесь все под руками*. Как отмечают В.П. Фелицына и В.М. Мокиенко, «1. Фразеологизм собственно русский. Слово *кулички* (или *кулижки, кулиги*) означает «прогалины, поляны, болотистые места в лесу». По народным поверьям, это глухие места – излюбленное обиталище нечистой силы (в таких местах находились моленные и совершались жертвоприношения). 2. Кулички – выжженные и расчищенные под пашню места в лесу» [2, с. 198–200]. Довольно быстро такие пашни зарастали лесом, заболачивались, и их забрасывали. По суверенным представлениям, именно на таких дальних и мелколесных куличках водились черти. После преобразования *кулижки* в *кулички* последний компонент стал ассоциироваться не с местами, выжженными и расчищенными под пашню, а с понятиями куличей и Пасхи. Весь оборот стал пониматься по-другому, как па-

радокс: *отправляться к черту на кулички* значит «ехать неизвестно куда и зачем», так как у черта не может быть никаких куличей. Примечательно, что для русской лингвокультуры в целом идея отдаленного, неопределенного пространства всегда тесно связана с местами обитания нечистой силы. Следует отметить, что в устойчивых сочетаниях отражается восприятие действительности, связанное с мифологическим мышлением, верой в наличие «своего» и «чужого» пространства, населенного враждебными для человека существами. Паремичное сочетание *у черта на куличках* имеет, как правило, отрицательную коннотацию, обозначая нелокализованное, неопределенное пространство; труднодоступную местность, труднопроходимый путь.

Пословицы и поговорки немецкого языка не содержат отрицательной эмоционально-оценочной окраски при описании далекого, чужого пространства. Здесь при передаче значения *дальность* расстояния используются нейтральные образы: *Wo sich Hase und Fuchs gute Nacht sagen [wünschen]* (букв.: «где заяц и лиса желают друг другу доброй ночи»); *am Ende der Welt* (букв.: «на краю Земли»); *über Berg und Tal* (букв.: «через горы и долины»); *hinter die sieben Berge* (букв.: «за семь морей»); *weit in der Fremde* (букв.: «далеко на чужбине»).

Значение «далеко, неизвестно где» в немецком языке передается следующим паремичным сочетанием с ярко выраженной национально-культурной спецификой: *Wo sich Hase und Fuchs gute Nacht sagen [wünschen]* (букв.: «где заяц и лиса желают друг другу доброй ночи»). В данной паремии отношения позиционирования передаются с помощью местоимения *wo*, актуализирующего неопределенность, абстрактность описываемой ситуации.

Проведенный анализ языковых средств выражения пространственных отношений показал, что категория пространства в сопоставляемых языках вербализуется при помощи сходного набора языковых единиц: в основном это наречия и предлоги с пространственной семантикой, а также паремичные сочетания. Различия в языковых средствах выражения пространственных отношений обусловлены различиями в характере и динамике пространственного освоения действи-

тельности носителями сопоставляемых лингвокультур.

Ключевой оппозицией для системы единиц всех уровней языка, выражающих пространственные представления в русской и немецкой лингвокультурах, является *близость / дальность* расстояния. В системе пространственных представлений человека об окружающей действительности пространство, отвечающее параметрам *близость* расстояния, выступает как центр (Субъект – сам Человек, Личная сфера Субъекта – Своя земля), *дальность* расстояния – как периферия. Данная закономерность является универсальной для рассматриваемых языков и может быть представлена в виде схемы.

В сопоставляемых языках субкатегория *близость* реализуется дистантивами, квалифицирующими различную степень *близости* и локализации вокруг субъекта. В русском языке релевантным является собственно степень *близости*, в немецком языке – позиция объекта в пространстве и направление ориентирования с точки зрения субъекта. Субкатегория *дальность* в процессе выражения в русском и немецком языках обнаруживает

сходства в системе свободных сочетаний и различия в образном моделировании пространственных отношений. В русском языке релевантным является градация дальности расстояния с точки зрения его преодолимости, значительности, в немецком языке – с точки зрения соотнесенности со сферой субъекта: «в сфере субъекта / вне сферы субъекта».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макарова, М. В. Пространственное моделирование действительности в русской и немецкой лингвокультурах / М. В. Макарова // Мир науки, культуры, образования. Разд. 2, Филология. Искусствоведение. – 2011. – Авг. – № 4 (ч. 1). – С. 254–257.
2. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко. – М.: Русский язык, 1990. – 220 с.
3. Шамне, Н. Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении / Н. Л. Шамне. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – 392 с.
4. Шамне, Н. Л. Универсальные характеристики пространства и ядерные средства их репрезентации в языке / Н. Л. Шамне // *Croatica et Slavica Ladertina*. – Zadar, 2009. – С. 265–279.

LINGUOCULTURAL CHARACTERISTICS OF LANGUAGE MEANS EXPRESSING SUBCATEGORIES *PROXIMITY / DISTANCE* IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

N.L. Shamne, M.V. Makarova

This article is devoted to the problem of the representation of space relations in the Russian and German lingvocultures. The means of the verbalization and cultural peculiarities of this concept in the unallied languages, space modeling of reality are given in the article.

Key words: *space, language worldview, linguoculturology, proverb, national specificity, intercultural communication.*